

В.М. ГРЯЗНОВА

*(Северо-Кавказский федеральный университет,
г. Ставрополь, Россия)*

УДК 81.161.1'28
ББК Ш141.12-025.7

ТВОРЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ СТАРООБРЯДЦА КАЗАКА-НЕКРАСОВЦА²⁴

Аннотация: Статья посвящена изучению субкультуры такой особой социально-конфессиональной группы, как старообрядцы казаки-некрасовцы, которые вернулись из эмиграции в 1952 году в Россию (на Ставрополье). В фактах речевой деятельности носителей говора выявляется креативность языкового сознания некрасовцев, их устремленность к языковой игре.

Ключевые слова: казаки-некрасовцы, субкультура, наивная картина мира.

Среди различных социальных групп русского этноса, проживающих на Ставрополье, находится особая социально-конфессиональная группа – это старообрядцы казаки-некрасовцы. Субкультура казаков-некрасовцев сформировалась в силу целого комплекса исторических причин и по своей сути является социально-конфессиональной.

Казаки-некрасовцы (некрасовские казаки, Игнат-казаки) – одна из южнорусских старообрядческих групп, длительное время проживавшая в иноэтническом окружении.

Казаки-некрасовцы – потомки донских казаков, которые после целого ряда миграций укрылись в XVIII в. на территории Турции, затем в период с 1912 по 1962 гг. несколькими партиями переселились в Россию и были размещены в компактных поселениях, крупнейшие из которых расположены на Кубани и в Ставропольском крае.

Некрасовцы, являясь представителями древнейшей ветви русского православия – старообрядчества, прожив в Турции 254

²⁴ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект 2014 г.).

года по «Заветам Игната» (Некрасов Игнат Федорович (ок. 1660-1737) – выборный атаман, принявший на себя руководство крестьянским восстанием 1707-1708 гг. после гибели его предводителя К. Булавина), во многом сохранили «допетровский» уклад жизни, веру, культуру, язык.

В данное время на территории Левокумского района проживает более 600 человек казаков-некрасовцев и их потомков, родившихся уже после переселения. Из переселенцев осталось в живых 190 человек, в т.ч. в поселке Новокумском – 98 человек, в поселке Кумская Долина – 92 чел. Более 60 человек и по сей день являются яркими носителями показательных для некрасовцев традиций, в т.ч. богослужебной певческой традиции Русской Православной Старообрядческой церкви, специфики материальной и духовной культуры, своеобразия фольклорных жанров (песни, сказки, предания, легенды), диалектной лексики.

Исторически говор казаков-некрасовцев является одним из донских южнорусских говоров. Он был сформирован на Дону, а в период скитаний и эмиграции некрасовцев изменялся и развивался под действием внешних социально-экономических факторов, а также в силу такого постоянного качества любой формы существования языка, как историческая изменчивость.

Задачей данного исследования является выявление этнокультурного своеобразия казаков-некрасовцев. Актуальность работы определяется недостаточной изученностью данного говора и необходимостью описать систему говора казаков-некрасовцев в её архаическом виде, поскольку современная речь потомков казаков-некрасовцев подвергается влиянию литературного языка и исчезает как самобытное и целостное явление. Кроме того, актуальность работы обусловлена также усилившимся вниманием общества к исчезающим языкам и культурам.

Интерпретация записей речи, текстов сказок, песен, былин, преданий казаков-некрасовцев с применением исторического метода, методик лингвокультурологического анализа позволяет увидеть в фактах их творческой речевой деятельности следующее: 1) отражение универсальных культурных констант-оппозиций, характерных для большинства народов, 2) креативность языкового сознания как отражение свободолюбия старообрядцев; 3) отражение исторического пути представителя дан-

ной социально-конфессиональной группы.

Опишем названные стороны речевой деятельности казаков-некрасовцев подробнее.

1. Отражение универсальных культурных констант-оппозиций, характерных для большинства народов

Определенная часть номинаций лица по месту жительства говора демонстрирует нам тот факт, что майносская ветвь некрасовцев жила вдали от русских границ изолированно, замкнуто: с одной стороны, некрасовцы воспринимались местным населением как чужие, с другой стороны, сами некрасовцы не признавали чужаков. С этим мы связываем наличие определенного количества номинаций, называющих пришельцев, приезжих, пришлых, новых поселенцев: *наброд, присёлок, приходец, прихожанец, странный* и противопоставление их местным, *жилиським*. В данных номинациях овнешняется универсальная оппозиция свой – чужой. *Хърашоньки перва жыли, послѣ на-бродѣ наплыл, стали дурна жыть. – Мы на сваей абычаи жыли; пришли **прихажсанцы** полна, стали наз битъ; солнушка садицца, а мы замыкаим двери.*

Универсальную оппозицию свой – чужой демонстрируют и номинации этносов, с которыми казаки, как правило, общались во время своего пребывания на чужбине: среди них преобладают названия турок как главных чужих: *турчин, туряга, турчанин, турка. Вуш ни дають **турка** биседать па-руски. – Турки мы боялися, крепки были върата, а он прихадил, **турчин**. То карову украдутъ, то каня выведутъ. – Матрюшка плахая – за **турягу** вышла. – Царква наши там остались, ни дал **турчинин**.*

Универсальную оппозицию свой – чужой выражают и глаголы с отрицательной коннотацией, называющие речевую деятельность на чужом языке: *Покулдүкать, Шлѣпать, Хлехотатъ* (Едутъ, па-чирчески *хляхочуть*), *Прохлахотатъ* (Двоя вывирулисъ *вирьхавыи, праехали, прахлахатали пѣ-сваёму*).

У глаголов *хлехотать* и *прохлахотать* названные значения являются переносными звукоподражательными значениями, являющимися следствием метафорического развития их прямого значения «кричать, квакать – о лягушках» [Даль 1994: 1189] на основе сходства звучания двух действий – криков лягушки и речи человека на чужом языке.

В составе глагольной лексики говора (в значениях глагола *нижать* и фразеологизма *года нижают*) мы обнаружили вербализацию еще одной универсальной культурологической оппозиции – «вверх – это хорошо, вниз – это плохо». Покажем это подробнее. *Нѣжать* – «стареть» *Ня знаем, када будиш умираць, пака ногі носьць, а зафтра фсе ніжэим.* – Сюды прѣшли, гляжу – вон фсѣ *нижыитъ*, ля-ка, зубачках няма. ♦ Года *нижают.* – «годы прибавляются» *Раньшы я фсѣ розумам работал, а тѣперь розум стал фсѣ нанис, гада ніжэають.*

Кроме того, заслуживает внимания глагольная номинация общего действия, производимого, по мнению некрасовца, звездами, содержание которой аналогично характеристике основного вида деятельности казака – службе: звезды, по мнению носителя говора, также «служат»: *Большая звѣзда – Зарница, ана бывайтъ вечирам служитъ, бывайтъ на утрам служитъ.* Данная номинация демонстрирует семиотическую оппозицию «микрокосм – макрокосм», которая выявляет фундаментальные положения традиционной ментальности. Так, Ю.С. Степанов так пишет об отношениях микрокосм – макрокосм: «В естественных знаковых системах человека существует семантическая связь между микрокосмом (органами тела человека и его внутренним, духовным миром) и макрокосмом (Землей, небом, светилами)» [Степанов 1971: 137].

2. Креативность языкового сознания как отражение свободолюбия старообрядцев

Креативность языкового сознания носителей говора ярче всего демонстрирует явление языковой игры. К языковой игре относят те языковые факты, в которых проявляется свободное отношение к форме речи, обусловленное эстетическим заданием. Как правило, в устной спонтанной речи эстетическое чувство реализуется в установке на комический эффект. Языковая игра чаще всего основана на балагурстве – явлении народной смеховой культуры, когда комический эффект вызывает все необычное, перевернутое. Диапазон явлений языковой игры широк: выразиться необычно, развлечь окружающих, вызвать улыбку, создать шутовское настроение. Охарактеризуем явления языковой игры в речи некрасовцев.

2.1. Явления словообразовательной языковой игры

В словообразовательной системе говора некрасовцев наблюдаются явления, которые являются редкими даже в такой высшей форме существования языка, как литературный язык, в силу того, что возникают не механически, по «привычным рельсам» существующих словообразовательных моделей, а осознанно, в результате творческой когнитивно-вербальной деятельности носителя языка. В словообразовании исследуемого говора имеются случаи словообразовательной языковой игры.

Так, в речи некрасовцев находим прием рифмованного эха (экспрессивного рифмованного удвоения), который заключается в следующем: какое-либо слово повторяется с изменением начального звука или звуков: *курица-мурица* – «всякая домашняя птица», *птица-мница* – «всякая птица», *кабаки-мабаки* – «всякие овощи», *крестная-мресная* – «родня», *одежка-передежка* – «одежда, смена белья», *вилюшки-кивилюшки* – «разные украшения на одежде, в том числе и в виде извилин». Приведем примеры из речи носителей говора: *А в Ражаство хадили, славили, Христа славили, давали им деньги-шменьги. – Ну он там мне спирту-мирту на виноделии дал, сумащку ета. – Кто сазанчика, хто самёначка, хто ракаф притянетъ, в мишочик складём, камышом-мамышом закроим, он жа, возир-та, ни наш, хазыйский.* Данная эхо-конструкция, как и любая словообразовательная модель, обладает своим особым значением – это семантика обобщения (по данной модели образуются собирательные или родовые наименования). Уместно отметить, что явление языковой игры ученые обычно анализируют и описывают на материалах записей устной речи интеллигенции, а также художественных текстов.

2.2. Явление аналогического словообразования

Способ образования слов «по образцу», очень ярко выявляющий способность носителя языка к языковому творчеству, демонстрируют ряд лексем говора. Например, существительное *шуряк* – «шурин», образцом для словопроизводства которого послужило общенациональное слово *свояк*; лексема *близнята* – «близнецы», образцом для словопроизводства которой послужило диалектное слово *двойнята*. Подобный способ образования слов «по образцу» всегда был характерен для русского национального языка, преимущественно для книжной речи интел-

лигентов. Так, князь П. Вяземский в «Старой записной книжке» придумал существительное *подглядатай*, прокомментировав его так: «Почему бы не вывести этого слова из *соглядатай*?»

2.3. Явление метафорического словообразования

К метафорическому словообразованию (нечасто встречающемуся в языке) относятся такие случаи, когда значение мотивированного слова возникает как переносное, причем мотивирующее слово не обладает данным переносным значением, а только является базой для реализации возможных ассоциативных смыслов, заложенных в нем. Например, в современном литературном языке к метафорическому словообразованию относится слово *небоскреб* (калька на материале английского языка). Метафорические номинации – одна из форм реализации творческой активности говорящих, один из приемов языковой игры. Метафорическое словообразование строится на общем явлении контраста между способом словесного определения (наименованием) и денотатом (именуемым). В результате несоответствия между именем и денотатом ожидания говорящего нарушаются, и возникает комический эффект. Явление метафорического словообразования характерно и для говора казаков-некрасовцев. Например, такова семантика лексем говора: а) *судомойница* – «неряха» (от лексемы *судомой* – «кто перемывает в доме посуду, кухонную и столовую») [Даль: с.620]; б) *голоплешка* – «женщина с непокрытой головой» (от слов *голый* – «непокрытый» и *плешь* – «лысина от вылезших волос») [Даль 1994: 916, 333].

2.4. Явление энантиосемии в ходе словообразования

К этому явлению относятся случаи такой мотивации, в ходе которой происходит поляризация основных семантических компонентов мотивирующего и мотивированного слов, употребляющихся в целях иронического отношения к собеседнику или предмету речи. Представляет собой прием наименования чего-либо словом, имеющим иной денотативный или сигнификативный смысл, как правило, со сниженной окраской. Экспрессивность создается контрастом между денотатом и наименованием. Энантиосемия характерна для значения лексем говора *толкушка*, *толкуша* («бестолковый, непонятливый человек») в сопоставлении со значением их мотивирующего слова *толковать* («объяснять»): мотивирующее слово *толковать* обладает значе-

нием «объяснять», а мотивированные слова *толкушка, толкуша* включают в свою семантику антонимичный семантический компонент – «тот, кому *невозможно объяснить*».

2.5. Стремление к соблюдению постулата «выражайся ясно»

Креативность языкового сознания носителей старообрядческого говора проявляется и в механизмах, с помощью которых они неосознанно стремятся соблюдать постулаты общения Г.П. Грайса, в частности, постулат способа «выражайся ясно».

В говоре мы находим немало лексем, которые, будучи образованы от общенациональных лексем с помощью того или иного суффикса, являются идентичными им по своему значению: *хлебоборобник* от общенационального *хлебороб* с аналогичным значением, *арापенин* от общенационального *арап* с аналогичным значением, *французенин* от общенационального *француз* с аналогичным значением, *татаренин* от общенационального *татарин* с аналогичным значением. Данные лексемы выявляют тенденцию к избыточности морфематической структуры слова, ведь они полностью дублируют значение мотивирующих существительных, и их суффикс, на первый взгляд, не добавляет никакой новой информации, а только повторяет уже существующую. В то же время подобная избыточность усиливает информативность слова, помогает быстрее и точнее опознавать его словообразовательное значение по его финали, вроде бы бессмысленной и ненужной.

3. Отражение к лексике говора исторического пути представителя данной социально-конфессиональной группы

В языковой картине мира любого народа одно из центральных мест занимает выражение идеи Родины. В национальном русском языке основной образ Родины – это женщина-мать, основное языковое выражение – словосочетания *Родина-мать, Россия-матушка*, само слово *Родина* по своему происхождению и значению относится к гендерно обусловленным «феминным» лексемам. В говоре казаков-некрасовцев наблюдаем иное явление, обусловленное историческими причинами. Судьба казаков-некрасовцев была во многом определена их лидером Игнатом Некрасовым. Для них он стал и отцом (дедом), и наставником, и мифологической фигурой. Потомки казаков-некрасовцев говорят: «*Мы пошли от Игната Некрасафца*». В их говоре существ-

вует наречие *по-игнатому*, которое означает «по-старинному, так, как положено». Приведем примеры из речи носителей говора: *Наши матеря бурчак ели, такую тяглу тянули, потом дал помочи наш дет, рускай. – Надоела нам у турках, пайдем к сваему деду, к рускаму. – Набивай парус на лодку, паедем на дядофщину.*

Кроме того, в жизни некрасовцев мужское начало было главенствующим и определяющим как общественную, так и семейную жизнь. Н.Г. Денисов отмечает: «Следует остановиться еще на одном явлении в жизни общин, которое влияет как на позитивные, так и на негативные стороны существования приходов. Это – мужское начало. Помимо священников, все руководство в храмах у некрасовцев представлено исключительно мужчинами. Мужское начало, мужские традиции чтения и пения продолжают храниться в некрасовских общинах [Денисов 2000: 7]. В.Н. Медведева в статье «Казаки-некрасовцы на перекрестке культур» высказывает следующее мнение: «Отметим интересную психологическую закономерность: мужчины-казаки вели подвижный образ жизни, но при этом в целом оставались хранителями наиболее устойчивой ее стороны в рамках села. Женщины, не столь часто разъезжавшие, напротив, оказались достаточно склонными к влияниям извне» [Медведева 2002: 42-60]. П. Донцов, Д. Николаев в статье «Западное казачество и старообрядцы. История вопроса» пишут: «Старики выступали хранителями казачьих обычаев и традиций, и почитание стариков в казачестве было безграничным. Проявление непочтительности к старику расценивалось как предательство казачьих идеалов и сурово наказывалось обществом» [Донцов, Николаев 2008: 137].

Полагаем, что именно в силу специфики исторического пути казаков-некрасовцев, а также специфики их быта, прежде всего религиозного, образ Родины (а для казаков-некрасовцев Родина – это Россия) – это мужчина-дед (отец отца или матери), основное языковое выражение образа Родины – это слова *дед, дедовщина*. В целом образы Родины как женщины-матери и как мужчины-деда восходят к одному и тому же языческому культу **Рода** восточных славян. В.В. Колесов пишет: «Достоверно известно, что у восточных славян существовал культ Рода и Земли. ... У восточных славян определенно различались поколения богов

– их было три, ровно столько, сколько и одновременно живущих представителей рода» [Колесов 2001: 92]. Полагаем, что образ Родины как мужчины-деда в языковой картине мира казака-некрасовца не противоречит языческим представлениям восточных славян, а является одной из возможных модификаций архаичного образного представления культа **Рода** восточных славян.

Изучение записей речи, сказок, преданий старообрядцев казаков-некрасовцев открывает мир русского человека, живущего в XX-XXI веках, но мыслящего и говорящего как человек эпохи XVII-XVIII веков, иногда как человек эпохи средневековья и даже древнерусского государства.

Этнокультурное своеобразие старообрядцев казаков-некрасовцев состоит в том, что в течение двух с половиной веков проживания в Турции, в условиях инокультурного внеславянского окружения, они сохранили русский язык, культуру, обычаи, иначе систему этнических констант, которая и является той призмой, сквозь которую человек смотрит на мир и которая определяет этничность сознания человека. Некрасовцы всегда воспринимали русскую речь как способ и средство выражения их национального русского облика: *Двести лет ф Турции прожыли, а к туркам мы ни прилучилися. Мы платю сваю ни смянили, и язык ни пъламали.*

ЛИТЕРАТУРА

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка в четырех томах / Владимир Иванович Даль. – М.: «Прогресс» «Универс», 1994.

Денисов Н.Г. Церковно-богослужебные традиции казаков-некрасовцев // Христианство и христианская культура в степном Предкавказье и на Северном Кавказе. – Ростов-на-Дону, 2000.

Донцов П., Николаев Д. Западное казачество и старообрядцы. История вопроса // Традиции, уклад жизни и фольклор казаков-некрасовцев: сб. статей. – Ставрополь, 2008.

Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове. Добро и Зло. – СПб: СПбГУ, 2001.

Медведева В.Н. Казаки-некрасовцы на перекрестке культур // «Музыкальная академия». – М., 2002, №3.

Степанов Ю.С. Семиотика. – М.: «Наука», 1971.

© Грязнова В.М., 2014